

УДК 159.9

А. П. Лобанов, доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры возрастной и педагогической психологии
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка», Минск

КОЛОМЕНСКИЙ И КОЛОМИНСКИЙ: ЧЕЛОВЕК-ПСИХОЛОГИЯ С СОЦИАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

A. P. Lobanov

KOLOMENSKY AND KOLOMINSKY: HUMAN PSYCHOLOGY WITH SOCIAL INTELLIGENCE

Аннотация. В статье, представленной в формате эссе, изложены основные вехи творческой биографии Я. Л. Коломинского. Утверждается, что научная биография ученого может быть использована в качестве кейса для изучения истории психологии в Республике Беларусь. Проводится историческая параллель с биографией Л. С. Выготского. Сделан вывод о влиянии кризиса идентичности Я. Л. Коломинского на его научную деятельность.

Ключевые слова: научная биография; кейс; социальный интеллект; кризис идентичности.

Annotation. The article, presented in the format of an essay, outlines the main milestones of the creative biography of Ya. L. Kolominsky. It is argued that the scientific biography of a scientist can be used as a case for studying the history of psychology in the Republic of Belarus. A historical parallel is drawn with the biography of L. S. Vygotsky. The conclusion is drawn about the influence of Ya. L. Kolominskiy's identity crisis on his scientific activity.

Key words: scientific biography; case; social intelligence; identity crisis.

Шел по Минску Коломинский,
Из Наровли мальчик скромный.
За спиной стоял Ушинский,
В профиль – взгляд Божович томный.

Так уж сложилось, что научную биографию Я. Л. Коломинского можно рассматривать как case для изучения становления белорусской психологической науки. Что и кого мы имели до этого? Спорадически возникающий и эфемерно угасающий интерес к экзотической науке, внутреннюю миграцию Л. С. Выготского и политику акклиматизации российских психологов к самобытным условиям главного вуза страны.

Вот, пожалуй, и все. Метафорически белорусскую психологию того времени можно сравнить с кукушонком, беспечно подброшенным матерью в чужое гнездо. Психологии как науке предстояло пройти долгий и тяжелый путь институционализации как дисциплины и специальности.

В этом смысле мы не уникальны. Как известно, вся мировая психология вышла из философии. Память об этом, констатирует О. А. Власова, все еще «проступает в немецкой герменевтике и феноменологии, в англосаксонской философии сознания и французской эпистемологии» [1, с. 128].

Первые шаги к дисциплинарной институционализации психологии был сделан в БГУ. Как и в других регионах Советского союза, в БССР, в Минске, в БГУ на философском факультете было открыто отделение логики, психологии и русского языка. Процесс сепарации психологии от философии в БГУ не завершен до настоящего времени, несмотря на наличие двух психологических кафедр. Родительские объятия философии незаметно трансформировались в ментальные кандалы для психологии. Впрочем, все будет, как и в МГУ, психологи займут все помещения, где ныне располагается философский факультет.

Дальнейшие успехи в институционализации психологической науки связаны с МГПИ – БГПУ: первый совет по защите диссертаций по психологии, факультет, а затем институт, психологии. Обратной стороной медали стал устойчивый фрейм «психолого-педагогические науки». Это не могло не сказаться и на деятельности Я. Л. Коломинского, на его теоретико-методологической попытке в области «генной инженерии» отраслей психологии: на порождении таких кентавров, как социальная педагогическая психология и возрастная педагогическая психология. Что поделать, как говорил ныне забытый классик, жить в обществе и не зависеть от него – нельзя! Это было время, когда неравный (маргинальный) брак психологии с педагогикой стал нашим национальным брендом.

Я. Л. Коломинский пришел в психологию, когда она уже имела «узкий круг революционеров», включая научных иммигрантов, остепененных выпускников отделения логики, психологии и русского языка, а также представителей «минского десанта», получивших подготовку в московской аспирантуре. Кто-то из них должен был стать лидером. Жар-птицу поймал за хвост Я. Л. Коломинский. Позднее вокруг него, во многом благодаря его социальному интеллекту, сложилась

научная школа, которую осмелюсь назвать школой Коломинского – Кандыбовича – Панько. Делить их вклад на части – все равно, что резать по живому.

В очередной раз звезды сложились в пользу Якова Львовича, когда Л. А. Кандыбович приступил к реализации программы «История психологии Беларуси» и объединил вокруг себя плеяду молодых ученых. Наиболее талантливым, а главное упорным, оказался автор проекта «Деятельность кафедры общей и детской психологии», читай – деятельность ее руководителя Я. Л. Коломинского. В результате, мы имеем единственное такого рода исследование, выполненное в русле научной методологии, а не в узких рамках житейски-биографических сказаний.

В исследовании Н. В. Дроздовой «школа Я. Л. Коломинского» представлена в широком контексте других психологических школ, имеющих то или иное отношение к социальной психологии. По критерию научного руководителя она называет их направлениями: Б. Г. Ананьева – Р. И. Водейко; А. А. Бодалева – С. В. Кондратьевой; В. Н. Колбановского – Ф. И. Иващенко; Б. В. Беляева – Б. А. Бенедиктова и Л. И. Божович – Я. Л. Коломинского [2].

Учитывая критерий предмета психологии и центральную категорию, выполненные под руководством Я. Л. Коломинского диссертационные исследования были объединены в две группы. В первую группу вошли работы с предметом «отражение» и центральной категорией «межличностные отношения»: одна диссертация по социальной (Л. А. Пергаменщик, 1985) и четыре по педагогической (Л. И. Шумская, 1979; А. М. Счастливая, 1980; В. И. Слепкова, 1990 и Т. Н. Ковалева, 1991). Со всей очевидностью просматривается обращение к теоретическим конструктам А. Н. Леонтьева и Я. Морено (московский след в сознании научного руководителя).

Вторая группа исследователей в целом придерживалась предмета «деятельность» и центральной категории «межличностное взаимодействие». Н. В. Дроздова делит эту группу на две подгруппы, в которых в качестве предмета психологии речь идет *о собственно деятельности* и *о деятельности в общении* (по Б. Ф. Ломову). Все диссертации выполнены по специальности «Педагогическая психология». К первой подгруппе относятся диссертации Т. В. Сенько (1984), Б. П. Жизневского (1985), А. А. Амелькова (1985) и Л. В. Финькевич

(1987). Ко второй, соответственно Н. Г. Оловниковой (1985), Е. Л. Малиновского (1986), С. С. Харина (1987) и Е. А. Орловой (1990).

Используемая второй группой исследователей методология свидетельствует об определенной смене ориентиров их научного руководителя. Понятие межличностного взаимодействия мирно сосуществует с категорией «межличностные отношения».

Хотелось бы обратить ваше внимание еще на один аспект научной биографии Я. Л. Коломинского, ее осознанные (или неосознанные) параллели с судьбой Л. С. Выготского. Там и там имеет место путешествие: из Гомеля в Москву и из Минска в Москву и обратно. В том и другом случае на лицо кризис идентичности и один и тот же способ его преодоления – смена фамилии. У Л. С. Выготского буква «д» меняется на «т» под воздействием семейного (возможно, социального) фактора. У Я. Л. Коломинского, по его словам, под влиянием витебского поэта – «е» на «и». Незначительная манипуляция с глубоким смыслом. Фамилия Коломенский ассоциативно привязана к Коломне (скорее, к Коломенской улице), а Коломинский имеет определенный сакральный привкус: «коло» – круг, около; рожденный около Минска. Вот такой дуальный посыл с претензией на статус национального психолога и одновременно удаленная ассоциация с именем американского психолога М. Minsky.

Последний период творческой деятельности Я. Л. Коломинского связан с кафедрой возрастной и педагогической психологии факультета социально-педагогических технологий. Две проблемы занимали его ум: психологическая культура как несомненная редукция к культурно-исторической психологии великого земляка и его научной школе, к которой и он принадлежал благодаря Л. И. Божович, и мемуары, в работе над которыми ему помогал его ученик А. А. Полонников. Яков Львович обрел мудрость, научился прощать своих оппонентов, смирился с тем, на какой кафедре он работает, стал подчеркнута внимателен к коллегам и студентам. Он пережил период развития психологической науки «вглубь и вширь». Остается загадкой, что он думал и чувствовал, наблюдая ее институциональный упадок, например, утрату единственного специализированного журнала «Психология», а также торжество «философов от психологии», утверждающих подход к психологической науке как «прикладной, конкретной философии»[1]. В этом смысле обращение мэтра к конструкту «психологическая культура» – фрейдовская

рационализация, регрессия ко второй психологии В. Вундта или пробуждение дремлющего в его творческой душе художника?

Оглядываясь и вспоминая Я. Л. Коломинского, обнаружил, что в эпистолярном жанре нас объединяют одни тезисы на троих [3] и коллективная монография [4]. И все же это было славное время, которое мой научный руководитель (и по совместительству – друг и соратник юбиляра) Л. Н. Рожина назвала «серебряным веком белорусской психологии». Поэтому, будем оптимистами. Коло**Минские** чтения – это прекрасный повод перечитать его труды, и кое-что переосмыслить.

Литература:

1. Власова, О. А. Критика психологии во французской философии середины XX в. в свете «спора о психологизме» / О. А. Власова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 16. № 1. – С. 127–144.

2. Дроздова, Н. В. Теоретико-методологические факторы развития социальной психологии в Беларуси / Н. В. Дроздова. – Минск : РИВШ, 2008. – 182 с.

3. Коломинский, Я. Л. Принцип профессиональной направленности воспитательной работы в вузе / Я. Л. Коломинский, С. И. Коптева, А. П. Лобанов // Теория и практика воспитательной работы в высших учебных заведениях: тезисы междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 1997. – С. 163–164.

4. Развитие субъективности личности в процессе ее социализации: Коллективная монография; под ред. Я. Л. Коломинского, С. И. Коптевой, А. П. Лобанова. – Минск : БГПУ, 1999.